

Tul_05_014_Mogilevskaya

22.07.2005

Инф.: Могилевская Галина Иосифовна

Соб.1: А.Кушкова

Соб.2: А.Львов

Инф.: ...Десять лет. Так я, конечно, знаю, где какая могила находится.

Соб.: Вы имеете в виду, что могила безымянная, и вы устанавливаете...

Инф.: Нет, нет. Не безымянные, нет, нет. Просто мы писали, дети у меня, список могил погибших воинов, похороненных в разных могилах района.

Соб.: Вы имеете в виду, вы евреев ищите или нет?

Инф.: Всех. Всех.... Вот...[обращаясь к АЛ] хорошее?

Соб.2: Хорошее... те арбузы, которые у нас покупали, были гораздо хуже.

Инф.: Я же вам сказала, если будет плохое, я не принесу. <0 00 31> дак, это самое... ну и в прошлом году я сидела в военкомате... я, понимаете, еще занимаюсь...

Соб.: <0 00 45>

Инф.: Да перестаньте, я потом подмету... еще будете вы за ними лазить...<...> я, значит, занимаюсь поисковой работой. Устанавливаю тех, кто погиб на фронте, и в живых, и всё... у нас есть издательство «Книга памяти», я с ними работаю, а свою я издала о тех, кто вернулся с фронта живой. Это я издала за счет своего сына, на деньги своего сына. И у меня осталось еще немножко книг, я не хотела говорить при Вите... я говорю, председатель горсовета, «Видите книги?... <0 01 25> Подарите воинам». Он говорит: «Там слишком много ваших одноплеменников».

Соб.: Так сказал?

Инф.: Он мне сказал по телефону. Потому что со мной нельзя разговаривать мирно, вот так вот. Я не такая спокойная.

Соб.: Он снова на нас налетел, что-то о Потоцких начал говорить...

Инф.: Кто, кто?

Соб.: Светилик.

Инф.: А, Светилик – это умничка. Я говорю о председателе горсовета. Светилик умничка.

Соб.: Мы шли по улице, о чем-то говорили, он нас остановил и начал говорить о ком-то из Потоцких, совершенно без, вообще, вступления там... рассказал и убежал. Мы так смеялись...

Инф.: <...> Кушайте. У меня кушать некому.

Соб.2: Жалко, мне скоро убежать...

Инф.: Куда бежать?

Соб.2: У меня там встреча...

Инф.: С кем?

Соб.2: Ну, мы договорились там с нашими ребятами еще пойти...

Инф.: Куда?

Соб.2: Я даже не знаю, куда. В общем, очень просили туда пойти.

Инф.: Кто? С кем?

Соб.2: У нас какая-то там встреча на высшем уровне, я даже не знаю с кем.

Соб.: Какая-то приехали из Москвы, ты не видел?

Соб.2: Кто?

Соб.: Директор какого-то, «Сефера», кажется, приехала... а, тебя не было.
Директор «Сефера» приехала.

Соб.2: Ну не знаю, в общем...

Соб.: Как ее? Молчанова.

Соб.: Мочалова... наверно, здорово... московский там «Сефер» просто...

Инф.: Не знаю.

Соб.: Проверяют нас...

Соб.2: Один из организаторов просто... всякие организационные дела. По этому поводу.

Инф.: Я вот занимаюсь вот этой работой. Вы были, когда мне звонили. Так у меня, значит, так. У меня филиал передачи «Жди меня». Разыскиваю кого-то, звонят мне. Вот. Я всё должна знать. Не стесняйтесь, ешьте, я сейчас вот это всё заберу...

Соб.2: Я стараюсь съесть побольше... [смеются]

Инф.: Пожауйста-пожалуйста!..

Соб.: Какой скромный гость, старается съесть побольше...

Инф.: Он уже знает, что со мной так нельзя разговаривать! Он уже прошел школу чуть-чуть. Так?

Соб.: Конечно. У вас очень хорошо... <...> [перерыв записи]

Инф.: ... На двадцать лет моложе того брата, что погиб. Тот брат двадцать шестого года... вы знаете что, положите наверх, а я сюда поставлю, вы туда будете сбрасывать... то есть мы устроились...

Соб.: То есть он его не помнил, наверное...

Инф.: Откуда он его знал? Он родился...

Соб.: Ага, после войны...

Инф.: Он родился после войны, в сорок шестом году! Где он мог его помнить? А тот погиб в сорок четвертом. Но он хотел знать, разыскивал его и не мог найти. Так он нашел его! Так они пришли ко мне. И я только тогда поняла, что я делаю, когда они были у меня. потому что тут... любовь и уважение полное, и всё за мой счет. Но у меня слишком большой счет к войне, поэтому я и делаю.

Соб.: А вам сколько лет было, когда она началась?

Инф.: Я... я кончала, я была старшекласницей. <...>

Соб.2: Спасибо большое, я дол...

Инф.: Сашенька, ну куда ты?

Соб.2: Мне в четыре часа нужно быть в гостинице.

Инф.: А кто там в гостинице?

Соб.2: Ну... вот мы там собираемся, у нас есть три человека, организаторов школы...

Соб.: Вот мне туда не надо, потому что я как бы рядовой член...
Соб.2: Аня простой участник и может делать все что хочет.
Инф.: А где мои Светочки?
Соб.2: Светочки... сейчас не знаю где.
Инф.: Вы тоже из Ленинграда?
Соб.2: Да.
Инф.: Я им дала задание боевое.
Соб.: Боевое?
Инф.: Да...
Соб.2: Я помою руки, можно?
Инф.: Да, счас-счас- счас...<...>[перерыв записи] ребенок? Сколько ему сейчас? Пятьдесят три - пятьдесят четыре, да?
Соб.: Нет, ему сорок девять.
Инф.: Сорок девять? Ну, надо думать, седина. Пожалуйста, а у меня сын старше его. У меня сын такой, как Витя Светилик.
Соб.: А что, Светилик старше Саши?
Инф.: Конечно!
Соб.: А сколько ему?
Инф.: Светилику?
Соб.: Да.
Инф.: Пятьдесят семь.
Соб.: Да ну!.. Он такой как бы весь поджарый, худенький...
Инф.: Да. Он занимается спортом, очень талантливый.
Соб.: Он нам приносил свою эту вот книжечку маленькую про Тульчин. Он как-то со школой... ведет какие-то уроки по краеведению, например, Светилик?
Инф.: <>
Соб.: А вот, кстати, по поводу еврейских школ, еврейских и нет. Мы обратили внимание, что информанты, которые до войны успели походить в еврейскую школу, они и говорят лучше, и пишут, и читают. А вот человек, который, там, на год – на два опоздал... там вот, я не знаю, в каком они закрылись? До войны когда-то? Вернее, одна еврейская школа, закрылась, да?..
Инф.: Была одна еврейская школа здесь. И вот там было... Там было гетто, на этой улочке, вы там были?
Соб.: Какая это улица?
Инф.: Я водила вашего... как его звать... вы мне не оставляйте, у меня кушать некому...
Соб.: Это в центре, да, где-то?
Инф.: Где наша церковь...<>
Соб.: Продолжение Пушкина, да? А, вот эта...
Инф.: <...> Ну можно сказать... если так... если вы с Пушкина идете туда мимо церкви, там эта улица Октябрьская. Там Первая школа. Вот эта школа еврейская была. Эта школа, куда свози... согнали всех евреев перед отправкой в лагерь.

Соб.: В Печоры вот в эти, да?..

Инф.: Значит, они отбирали... специалистов, которые им подходят... Я вам малины немножко... красной, черной?

Соб.: Давайте вот это пока... как черной малины? Черная малина?

Инф.: Да.

Соб.: Я не слышала даже. Красную знаю.

Инф.: <> достаточно. Я как избалованный ребенок. <...> [перерыв записи] на шаббате там...

Соб.: Это вот... да, я слышала, это Рита... Рита Евгеньевна.

Инф.: Евгеньевна. Наша медсестра, с общины... что ж он не включился у меня?..

Соб.: Так а что же, почему не пускают-то? Там вроде так...

Инф.: Ну не приглашают. Я пришла один раз, мне сказали, что мне там нечего делать, и я ушла.

Соб.: Да?

Инф.: Ну вы знаете, вы не знаете этих местечковых порядков.

Соб.: А в чем они заключаются, эти местечковые порядки? <...> [перерыв записи] Знаете, вы вы сказали, в гетто, да, собирали?

Инф.: Да.

Соб.: Только специалистов каких-то? Ну, в смысле, там я не знаю, жестянщики, каменщики?

Инф.: Ну, там кого-то, я не знаю, кто был специалистом, потому что я здесь никогда не жила, я жила уже после войны. Вот, так что я не могу сказать.

Соб.: Ну, насколько мне вот рассказывали, что гетто как-то жило отдельно, и там довольно-таки сносные были все-таки условия, по сравнению...

Инф.: По сравнению с концлагерем там, конечно, были более сносные условия. Но тут же... там же был директор обувной фабрики, его, когда наши вошли... когда фашисты вошли, его сразу пьяные рабочие изрубили в куски и возили... возили на этой самой, на повозке, показывали всем, хвастались.

Соб.: А за что его так?

Инф.: Кто его знает? Как спросишь? У кого спросишь?

Соб.: То есть вот когда война началась, немцы пришли, то есть, власти как бы не было, они его самосудом таким казнили, получается, да?

Инф.: Понимаете что? Кто знает? Ведь это никто не знает, как оно и что оно было, да? . <...> ну как бы ладно, этот, с обувной фабрики

Соб.: ... а сколько вот человек в гетто было?

Инф.: Никто не знает. Там учета не было. Нет. Какой-то относительный учет в лагере, но когда я стала работать, и мне сообщили, кто, у кого эти списки, я попросила «Книгу памяти», и они обратились в МВД, и там разрешили открыть архивы. Да, так заместительница архива Винницкого областного, еврейка, конечно, так она это всё захапала себе, и когда она меня видит, ее всю трясет. Она мне... Я приехала... я писала статью по Холокосту. И мне нужны были, знаете, вот эти

всякие объявления, мне ничего не надо было из ее фамилий. У меня есть воспоминания, у меня есть всё... так, это самое... у меня там, знаете, отношение евреев, украинцев, вот это всё... Она не разрешила дать мне ничего!

Соб.: Она не имеет права, если это государственный архив...

Инф.: [усмехается] Она имеет право. Она уже очень известна в мире, она имеет всякие, эти самые... ей дали десять тысяч, чтобы она книжку написала, пять фамилий, как я говорю... У меня по Тульчину две тысячи фамилий, живых... [пауза]

Соб.: А вот эти специалисты в гетто... там только мужчины были или женщины тоже?

Инф.: Они с семьями их опраивляли...

Соб.: А, то есть семьи не забирали в лагерь? Угу...

Инф.: Анечка, у вас нет такой книги нигде?

Соб.: Нет. Может... Дайте я посмотрю еще поближе... может, в другой обложке...

Инф.: Я не про обложку спрашиваю, автора спрашиваю.

Соб.: Мише. «Посреди войны... посвящение». Ну... я могу посмотреть...

Инф.: Знаете что, он мне прислал...

Соб.: Кто прислал?

Инф.: Автор.

Соб.: Автор? <0 12 56> Анатолий Кардаш. А где... а, это из Иерусалима, понятно... Я сейчас перепишу название... а вам нужно еще книжку, да, такую?.. «Посреди войны» Посвящение. Аб Мише. Иерусалим, девяносто восьмой год. Кардаш, <0 13 29> [скороговоркой по-английски]

Инф.: Вот это что я уже... вот это я принимала участие, вот это я писала. Это живые. Это погибшие. Счас я еще...

Соб.: <> войной имена...

Инф.: Обожженные войной.

Соб.: Ага, ну да. «Тульчинцы в горниле войн», да... то есть это не только про последнюю?

Инф.: Не, не-не. Тут есть... Тут начиная с гражданской, кого я смогла найти, несколько человек, понимаете? И кончая... кончая этими самыми, афганцами.

Соб.: А, то есть с таким размахом...

Инф.: Да, ну кого я могла найти, того я вписала. А это вот, значит, «Книга памяти, книга скорби». То есть по идее, здесь мы должны были кончить погибших воинов, а здесь уже мирное население. Но здесь много воинов еще погибших есть, а мирного населения мы не можем найти много. Счас я, значит, дала объявление в газету, вот, и начальство, конечно, вынуждено было подтвердить, даже по радио говорили местному, и всё, чтобы, значит, сдавать в администрацию, у кого где кто погиб, а консультации у меня по телефону.

Соб.: Нам рассказывали, что кто-то рассказывал из пожилых евреев, что если бы не украинцы, они бы не выжили в лагере.

Инф.: Конечно, не выжили бы.

Соб.: А что украинцы делали? Они там как-то...

Инф.: Кушать давали. Некоторые прятали, некоторые... это самое... некоторые семьи прятали. Вот я дала девочкам задание. Значит, у нас есть праведница мира в одном селе. Она жива. Ей где-то лет семьдесят сейчас, семьдесят пять...

Соб.: Это ее так зовут, Праведница Мира?

Инф.: Нет. Знаете, это есть такое почетное звание – Праведник Мира и Праведник Украины?

Инф.: Да. Она Праведник Украины. Значит, история такова. Она... где-то в конце сорок первого года дети катались на санках. Это уже была такая девочка, может, уже в школу начала ходить.

Соб.: Но война уже шла, если конец сорок первого, да?..

Инф.: Да, конечно. А у нас здесь есть станция Юрковка. Значит, она там жила. И там дети катались. Они видели, что подошел поезд. А дети же, знаете, везде всунутся, где их не просят. Подошел, значит, товарный состав... Слушайте, это изумительные конфеты, в общем, вы не стесняйтесь...

Соб.: Изумительные!

Инф.: Да, ну пожалуйста, моя миленькая, бери еще!.. у меня есть красные, можно красные кушать тоже!

Соб.: Красные привычные, а это удивительные, ага...

Инф.: А это непривычные. Я не видела, я раньше взяла красную, а потом увидела эту... ну, и она, значит... она говорит, что увидели мы, что отцепили три вагона. Охрана открыла, значит, двери, а там были евреи из Одессы. Измученные, голодные, грязные, истощенные. Она побежала домой, дети побежали домой, взяли им там кушать, что им дали. Они пошли раздавать эту еду. Она была с санками. Когда она подошла к своим санкам, там лежал какой-то мужчина. И они все повезли этого мужчину к маме, к ней домой. Она этого мужчину отмыла, вот, покормила, передела, и он у них жил всю войну. Звать его Саня, из Ленинграда. История такова, что он приехал в гости к своим родственникам в Одессу. Как раз, когда началась война, и уже выбраться из Одессы он не смог. И он уже попал как вместе со всеми евреями, и этих евреев везли. Или к нам в лагерь или я знаю, куда их везли? Наверно, сюда в лагерь. И так он у них пробил всю войну.

Соб.: А сколько ему лет тогда было?

Инф.: Двадцать два или двадцать три, там я написала всё.

Соб.: Угу, то есть он где-то девятнадцатого года рождения?

Инф.: Да, где-то вот так должен быть. Вот. У него в Питере осталась жена и дочка. Она имена знает, но кто из них дочка, кто из них жена, она, конечно, не знает. Еще одна примета, что она покупала... она у мамы крадала яички, меняла на папиросы для него. Ну и, значит, когда наши

- вступили, он ушел... еще возьмите, Анечка!.. <...> Я здесь много лет, меня все знают. Понимаете что, ко мне все очень хорошо относятся. На улице. То есть если я лежу больная, мне <0 18 40>
- Соб.: А что вы говорили: вот эти местечковые обычаи? Вы так сказали... что я не знаю...
- Инф.: Местечковые обычаи. Ну, я, например, здесь уже столько лет живу, я не могу привыкнуть.
- Соб.: А с какого вы года здесь?
- Инф.: Я здесь уже пятьдесят пять лет. Смотрите на меня, что я старая?
- Соб.: Нет, но просто такая большая... большое число... мне не представить.
- Инф.: Да, конечно, еще рано вам представлять.
- Соб.: Дак а почему они... не знаю...
- Инф.: Ну вот вы прошли по улице, да?.. я приехала сюда, вы бы видели, как они здесь одевались! Не потому что они не имели за что, а потому что такая была мода.
- Соб.: Какая?
- Инф.: Они ходили все в сапогах кирзовых, учителя и все, они ходили в таких хустках, платках страшных. Я просила, чтобы мне кто-то подарил на память. [смеются]
- Соб.: Страшная хустка, да?
- Инф.: Страшная, да, и вот, в общем, ходили так это, знаете, раньше так и ходили. Я приехала, туфли на высоком каблуке... ну, относились... конечно, я была бедная, потому что кончился пятидесятый год, мы еще не были богатыми. Мы еще ни имели, за что разжиться. Но, во всяком случае, по сравнению с ними я была страшно нарядная. <0 20 06> бижутерия <нрзб> уж какие они были, уже я же руками не трогаю. И я всегда, понимаете как... что я имела, то ужас один. И до сих пор. Вот. Первое – я надела брюки. Меня пропускали как сквозь строй. Кто что хотел говорил, я глухая. Я иду, < нрзб >
- Соб.: Это когда вы впервые брюки одели?
- Инф.: Ну, когда я впервые брюки одела... лет восемь тому назад.
- Соб.: Что, восемь лет назад здесь еще в брюках не ходили?
- Инф.: Ну, молодежь ходила.
- Соб.: Вы имеете в виду – старшее...
- Инф.: Молодежь ходила, да. Вот, не а потом как стали все одеваться!.. И всё! И никаких нет... Ко мне подходят и говорят: «Спасибо». Да. Так что вот, все вот эти сплетни...
- Соб.: Сплетни?
- Инф.: Сплетни страшные, о вас такое будут говорить, вы даже не знаете, что это такое. И откуда оно взялось.
- Соб.: Ну вот у меня тоже была такая ситуация, когда про меня пустили сплетню...
- Инф.: Где? В Питере?
- Соб.: Да. Это кошмар был полный. Мерзко... Про вас тоже пускают?

- Инф.: Да что! Если бы я сейчас прошла бы с Сашей по улице – мой любовник!
- Соб.: Да?
- Инф.: Угу.
- Соб.: Ну хорошо, но вы же не ходите по улице как-то так? Вы пишете книги, вы занимаетесь серьезным делом. О чем тут пускать сплетни?
- Инф.: А надо же что-то сказать? А? если человек не придумает, он может жить на свете? Это надо пóнять.
- Соб.: То есть вы думаете, это какая-то необходимость – сплетничать?
- Инф.: Да. Необходимость. Необходимость. Я... у меня муж выглядел намного старше меня. он был старше и выглядел плохо. Вот такая мелочь... у вас не включено?
- Соб.: Нет. <...>
- Инф.: Мне такие вещи неудобно рассказывать... Да? Что вы такая молодая, вышли за такого старого замуж.
- Соб.: Это в лицо говорят или за спиной там?
- Инф.: Спрашивают!
- Соб.: Во дают! А кому какое дело? Что, свербит там у них, спрашивать? Но, впрочем, это, знаете, не только же в маленьком городе, в большом то же самое.
- Инф.: В Питере тоже рассказывали, сплетен хватает, сколько угодно. Я была несколько тому лет назад в Питере, но я... раньше еще переносила, а сейчас, в предпоследний раз я плохо переносила, у меня там приступы сердечные были, а в этот раз – три шага, и на четвертый раз я уже умирала.
- Соб.: Ну это вот по городу, там всякие соседки тупые, а вот община-то, по моему, они такие, открытые достаточно...
- Инф.: Нет, понимаете что, просто у меня... не стыкуется. У нас разный уровень, поэтому...
- Соб.: Ну вот там есть... как же ее зовут-то?..
- Инф.: Кто?
- Соб.: Ммм...
- Инф.: Софья?
- Соб.: Софья Иосифовна?
- Инф.: Софья Иосифовна, да, и наши две медсестры. Да, та, конечно, по культуре выше, чем Рита. Но Рита осталась одна, без родителей. Сирота, росла так, знаете, при дороге. Выучилась, стала медсестрой. Так что это, конечно, чувствуется...
- Соб.: Они у вас в подчинении были или как? Вы с ними вместе работали?
- Инф.: Нет, нет, мы разные отделы. Разные, да... не стесняйтесь. Такой малины вы нигде не будете кушать.
- Соб.: Это правда.
- Инф.: Это только у нас... я здесь в первый раз увидела. У моей знакомой такое...
- Соб.: Там вот эта Софья Иосифовна, она читает по Сидуру.

Инф.: Да, да, да.

Соб.: Ну она как бы русскими буквами, но в общем все равно, мне показалось, что...

Инф.: Ну, она, конечно, не скрою, по культуре выше. Ну, опять-таки, это тоже местечковая привычка: «Что вам здесь делать? И чего вы приходили?».

Соб.: А чего другие приходят? Для того же самого.

Инф.: Знаете что, она с ними себя лучше чувствует. Я здесь серая... белая ворона, в городе. Я не хожу, не интересуюсь сплетнями, я вот на пенсии, а занята какой-то работой. Я не хожу, не собираю... я знаю все, какие хотите тайны я знаю. Но я не... не распространяюсь.

Соб.: Ну, например, какие тайны в Тульчине бывают?

Инф.: Ну мало ли у кого какое? В каждой семье есть свои тайны. Вот. Я все знаю. Мне рассказывают, со мной делятся и плохим, и хорошим. Но...

Соб.: То есть как бы у вас такую помощь, да, ищут? Там, рассудить...

Инф.: Да, но я не... не хожу, не сообщая никому ничего. Начальства я не боюсь, что я хочу, то и говорю. Это счастье этого председателя горсовета, что он мне по телефону так сказал. Он бы мне в лицо не сказал, я бы ему заехала в лицо со всей силы. Это же такое сказать! Это просто у меня сейчас положение такое тяжелое. Понимаете, у меня сосед был, это тоже одноклассник моего сына. Врач, спился до чертиков. Жена его выгнала.

Соб.: Это в этом доме, да, сосед?

Инф.: Здесь жил надо мной. <...>

Соб.: Значит, сейчас тоже выгоняют, да, жены мужей из дома?

Инф.: А чё ж, если пьяный, кому нужен пьяница? Он пьяный, агрессивен, она его выгнала.

Соб.: Знаете, в русских деревнях, вот я ездила...

Инф.: Так в русских деревнях всю жизнь пили.

Соб.: ... Он уже вообще никакой, как стелька, и его не выгоняют. Но я за то, чтобы выгонять.

Инф.: Ну, это же в селе, это учительница.

Соб.: Учительница, это ваша соседка, да?

Инф.: Она не соседка моя, она... это соученики поженились когда-то, моего сына, и они, это самое... ну, он спился до чертиков. И последнее время он меня обкрадывает уже несколько лет. Обкрадывает!

Соб.: Обкрадывает? Как же он проникает к вам?

Инф.: Раньше через окно. Там, в кухне у меня, здесь нельзя влезть.

Соб.: Так забейте там его или какую-нибудь щеколду хорошую.

Инф.: А сейчас через дверь. Вот я поменяла две недели назад, когда там, второго праздник, да? Значит, я накануне их приезда поменяла вставочки в замки. Вот. И он мне влез после этого. Он мастер, он всё умеет.

Соб.: Купите какой-нибудь мощный замок...

- Инф.: Купили мощный замок мне сын привез. У меня сын в Москве живет, иностранец...
- Соб.: Где живет?
- Инф.: В Москве.
- Соб.: А, в Москве.
- Инф.: Он привез мне шикарный замок, но мне обещал один его соученик прийти и заказать мне дверь.
- Соб.: А, новую дверь?
- Инф.: Да, или новую дверь или в эту вставить, ну что, я же не знаю, я ж не понимаю.
- Соб.: Да, хороший замок – нужно и дверь новую... А много воровства вообще в Тульчине?
- Инф.: Да я не знаю, что в Тульчине, а у меня он страшно что делает. Он мало того что украдет, да? Он еще напачкает или нагадит или еще что-то. Вот его не пригласили на встречу... Анечка, очень вкусные конфеты...
- Соб.: Да... попробую...
- Инф.: Пробуйте, пробуйте. Все, что на столе.
- Соб.: Я уже тоже не могу есть...
- Инф.: Это какое-то такое, что быстро выведется.
- Соб.: У меня не выведется.
- Инф.: Ничего. От того что вы у меня сейчас поедите, у вас ничего не будет.
- Соб.: Он мстит, что его на встречу не пригласили?
- Инф.: Нет, так он и до этого, он же несколько лет! У меня, понимаете что? Я самая богатая. Причем я могу говорить вслух, потому что мое богатство ни украсть, ни передать по наследству нельзя. Мне муж оставил своих учеников. То есть они как шли к нам, ездили, сейчас ездят ко мне. Приезжают, приходят, звонят. Шлют мне всякие тряпки, хоть я умоляю всех: не покупайте мне ничего, мне не надо ничего! Нет, мне привозят, меня одевают. Вот я боюсь спрятать сапоги, чтоб он мне не испортил, потому что на меня очень трудно достать обувь, так я ее держу здесь наверху. Они мне нужны здесь для мебели? Зачем? Очень я мучаюсь, не могу достать. Мы ходили по Большому проспекту, там же обувной магазин за обувным, и одна взмолилась: что вы ее мучаете? Вы же видите, что на нее ничего нельзя достать!
- Соб.: Косточка вот эта, да?
- Инф.: Да не только косточка. Размеры, с размерами плохо.
- Соб.: У меня у бабушки косточка, ей восемьдесят шесть, мучаемся страшно. Потому что и нормально, и подходит, и всё, а с косточкой даже не влезает нога туда.
- Инф.: Надо ей большую <0 29 45> и больше на размер.
- Соб.: Да, я знаю, и мягкие. Она не может жесткие. Мягкие как-то растянутся...
- Инф.: И надо, чтоб была натуральная кожа... вот... Понимаете, они ко мне приезжают. Это большое богатство. Потому что не к каждой

учительнице даже приезжают, а я же не учительница. В школе я бывала, когда мне нужно было прийти, там что-нибудь. Или на вечер, меня водили. Раньше я ходила на выпускные вечера, а потом мне это надоело, вот. Так в два часа ночи меня поднимали, чтобы я всё спрятала и закрыла, что вот, детки, пусти <0 30 27> доехать. Так что... но я к школе никакого отношения не имела. Я считаю, что жена не должна вмешиваться в дела мужа, муж в дела жены...

Соб.: А расскажите еще немножко... я поняла, что украинцы помогали. То есть они вот реально носили там из сёл к этому лагерю еду, да?

Инф.: Они, может быть, и носили. Но люди там делали лазы всякие и пролазили оттуда и шли в села, села кормили, некоторых прятали. Вот такой случай, мне рассказывала одна старушка, я не знаю где она сейчас жива, она жила где-то возле <0 31 03>, и она мне написала, я ее не видела <...> она, значит, мне такое рассказала, что, значит, когда забрали туда людей, туда начали люди носить кушать. Для того чтобы их наказать...

Соб.: Украинцев этих, да?

Инф.: Вообще наказать, чтоб никто не ходил. Они взяли двух мальчиков, трехлетних, она рассказывает, и посадили здесь, где памятник Суворову, там церковь... костел... не костел, а собор. Посадили на территорию этого собора. Жара. Ни пить, ни есть, ничего. Дети плакали все время. И никто не пускали. Кто-то хотел если подойти, стреляли. Вот. А ночью, она говорит, у меня как будто кошка плачет на дворе. Ну и вышла. Увидела ребенка, значит, одного из этих малышей. Она его забрала к себе, она его там помыла, покормила. Спрятала его, а через какое-то время пришла какая-то женщина с села другого, еврейка, и забрала этого ребенка. Она о нем ничего не знала. Она не спрашивала ни фамилии, ни отчества, ничего. Что можно спросить у трехлетнего ребенка, что он объяснит? И прошло много лет. Вижу в окно, что идет какой-то мужчина. Заходит. Этот мальчик запомнил все координаты, где он был, что он был. И он пришел к ней в гости. И он ей и сказал, может, свое имя и фамилию, но уже под сто лет она не запомнила это. Кроме того, понимаете, можно запомнить и в двести лет, если вы... если мозг развивается.

Соб.: Ну если тренировать, да.

Инф.: Если тренировать. А если сидеть и ничего не делать, то это всё запускается, все запустевает. Вот. Она малограмотная, она, конечно, это всё не могла рассказать. Такие моменты рассказывала.

Соб.: Но она помнила, конечно, это всё?

Инф.: Она помнила всё это, у нее светлый ум, она прекрасно все рассказывала, вот, и она это рассказала. Я писала статью для какой-то книги. Я, понимаете, студентка... занимаюсь в этом самом, институте... Открытый университет израильский... так они ко мне пристали, чтобы я написала о Холокосте. Я говорю: «О Холокосте я писать не буду». – «Ну, напишите хотя бы, это самое, хоть что-то

напишите из этого»... Ну, я поддалась <0 32 41> и они должны издать эту книжку и такие, вот такие случаи.

Соб.: То есть это просто собрание вот таких рассказов...

Инф.: Рассказов, да где что-то, литературу мне какую-то доставали, еще что-то. Я написала, где я что брала. Вот... рассказ этой вот женщины... <...>[перерыв записи]

Соб.: ... Не помню, кто это рассказывал, что на протяжении скольких-то лет или даже десятилетий в Печоры запрещали приезжать...

Инф.: Я об этом не знаю. Подробностей я не знаю. Вообще, при советской власти только в последнее время стали всё это признавать.

Соб.: А вот с какого приблизительно момента... когда там памятник этот был открыт?

Инф.: Памятник этот был открыт где-то в девяностых годах.

Соб.: Ага, совсем поздно...

Инф.: Да.

Соб.: Уже при независимой Украине?

Инф.: Да.

Соб.: Так, а вот эти вот, тоже нам рассказывали, что там по дороге, вот как сейчас автобус едет, там есть тоже камни мемориальные...

Инф.: Есть камень мемориальный.

Соб.: Один, да, только?

Инф.: Один.

Соб.: Я почему-то думала, что больше. Там где люди вот падали, да? Умирили, и вот там как бы памятнички стоят...

Инф.: Нет, там, понимаете что? Когда вы едете... вы ездили туда?

Соб.: Я еще нет.

Инф.: А когда вы едете?

Соб.: Не знаю, посмотрим, как там у них расписание.

Инф.: Вот, ну что, на некоторые вопросы я вам могу ответить. Что вот эта дорога смерти, которая шла от школы Первой...

Соб.: Это там где гетто вот?

Инф.: Да-да, по центральной улице, шла туда мимо гостиницы и прямо на Печору.

Соб.: А, это в той стороне, да, Печора?

Инф.: Да, Печора туда, к вам. Вот. Эту дорогу называли Дорогой Смерти. Значит, по той дороге сводили всех из районов, вот из сёл. Вот мне сейчас надо найти в одном селе... за селом, там склад такой, овощной, кагат назывался.

Соб.: Кагат?

Инф.: Да, и в этих кагатах закопали живыми четыре человека. И никто не знает фамилий. И я сейчас хочу добиться, чтобы они мне что-то нашли. Так... по дороге кто погиб, кто не мог ходить, дети, старики, они их убивали. Наибольшее количество трупов они скинули в этот овраг, где поставлен этот памятник. Памятник поставлен справа, а овраг слева. Вот.

- Соб.: А памятник вот этот, на дороге, в каком году был поставлен?
- Инф.: Не знаю.
- Соб.: Но уже после большого, главного, да?
- Инф.: Не знаю. Я точно не знаю.
- Соб.: То есть меня интересует...
- Инф.: Где-то в девяностых годах.
- Соб.: То есть так поздно, да? А что же до девяностых годов? Все пятидесятые, шестидесятые, семидесятые... восьмидесятые?
- Инф.: Так, миленькая моя, все пятидесятые-шестидесятые у нас не было Холокоста.
- Соб.: Ну вот!.. Как поминали тогда погибших?
- Инф.: Никто не поминал.
- Соб.: Но в семьях-то как-то поминали?
- Инф.: Ну в семьях я не знаю как, но... так никто ничего не поминал.
- Соб.: То есть не было, никто не собирался...
- Инф.: Может быть, это было тайком, что не было афишировано. Вот, а начали ездить – это девяностые годы.
- Соб.: Да? А вот слово Холокост – когда оно появилось.
- Инф.: Слово Холокост придумал один человек, сейчас я вам даже скажу кто...
- Соб.: Нет, мне интересно, когда оно здесь появилось? И из какого источника?
- Инф.: Здесь оно появилось, когда оно появилось в литературе...
- Соб.: Нет. Когда оно появилось в Тульчине.
- Инф.: Появилось в литературе, стало известно в Тульчине.
- Соб.: Сразу?
- Инф.: Ну да.
- Соб.: А в какой это книжке тогда?
- Инф.: Я не знаю, кто из какой книжки узнал. Ну и в газетах стало появляться, и всё, это стало известным словом. Вот. Я этим вопросом не занималась, как вот детально сказать, но кто придумал, у меня даже записано. Можно посмотреть. Ну, и все эти памятники... должны ко мне прийти, их переписать, сказать, где что. У меня главная справка тульчинского района. Я не знаю, почему, но, вы знаете, анекдот: мне присылают со всего мира фамилии погибших, мирного населения, воинов, эти похоронки идут откуда хотите. Ну хорошо, если это тульчинцы, они знают, кому они пишут. Но если пишет женщина из Киева, что у нее в другом районе на фронте погибло четыре брата. Украинка. Четыре брата у нее погибло, по моему, или сколько там... четыре, боюсь соврать. И если она мне пишет. Она не может послать в свой район, она может послать в Винницу, в областную «Книгу памяти», в редакцию. Она шлет мне, кто-то ей сказал мой адрес. Понимаете, получается, что я – я, помимо своего дела, делаю другие.
- Соб.: Ну да, да...

Инф.: Вот сейчас мне дали газету, начальство наше. Я написало, начальство согласилось, ни в чем мне не противоречит в этом отношении, чтобы, значит, собирали фамилии погибших, мирного населения.

Соб.: Угу, это тоже важно, конечно.

Инф.: Да, потому что у нас очень много погибло, но очень мало в книжках есть. Вот.

Соб.: А вот раз уж мы о кладбищах говорим... есть какие-то различия между тем, как хоронят евреев.. ну, в мирное время, я имею в виду...

Инф.: Нет.

Соб.: ... и русских?

Инф.: Нет.

Соб.: Никаких совсем? Это вы про... а вот до войны не было никаких различий?

Инф.: До войны вообще нельзя было ничего делать.

Соб.: Просто мне рассказывали, что евреев как-то хоронят без гроба вроде бы...

Инф.: Да. Это полагается...

Соб.: Вот, я и говорю, что...

Инф.: Это в Израиле... это до войны... до войны один раз я видела, я была совсем маленькой. Я не поняла, что это значит: на носилках несли и очень быстро бежали.

Соб.: На каких носилках? Типа на медицинских?

Инф.: Да так, на носилках таких ...

Соб.: А на плечах или...

Инф.: На плечах. Мужчины. Нет, женщин там не было. И очень быстро бежали. Это я один раз видела?

Соб.: В смысле, на кладбище быстро бежали?

Инф.: Да.

Соб.: А зачем?

Инф.: В том возрасте меня этот вопрос явно не интересовал.

Соб.: Ну почему, мало ли как, обратили внимание...

Инф.: Нет, ну я же говорю, я была маленькая. Я была у дедушки в гостях, и там кто-то умер. И они быстро унесли этого...

Соб.: Это где было, в каком месте?

Инф.: Это в районе в этом самом. А так, было так, и сейчас хоронят.

Соб.: Нет, это-то я знаю, мне интересны все-таки эти вот отличия. Значит, без гроба, да? А во что он был одет, покойный?

Инф.: В саван.

Соб.: В саван, да? Так и называлось, саван?

Инф.: Да. Ну, шилась такая, из белого полотна цельного, нерезаного.

Соб.: Цельного не резаного?

Инф.: Закрывалось лицо, сейчас не закрывают лицо.

Соб.: Ну, а вот... значит, в этой простыне в землю опускали, да? Обычно опускали? А это родственники несли покойника?

Инф.: Нет.

Соб.: Тоже нельзя было, да?

Инф.: Родственникам нельзя было.

Соб.: И до сих пор нельзя? А почему так говорится? Может, как-то объясняется?

Инф.: Может быть, оно и объясняется, но я объяснения не знаю. Ну вот, эээ... ну, моего мужика хоронили вообще по... неизвестно по каким обычаям. Они ему выбивали место, они его хоронили, они... не возвращали мне ни копейки денег... ну, это была особая... особая была школа, все директора школ, это были страшные, страшнейшие похороны.

Соб.: Какой это год был?

Инф.: Восемьдесят восьмой.

Соб.: Восемьдесят восьмой...

Инф.: Страшнейшие похороны. Потому что он умер в воскресенье, утром, в десять часов утра он умер. И, это самое... зав отделением мне стал давать трубку, чтоб я позвонила, набрал номер директорши, которая его сменила. И я ей сказала... я вообще не знаю, с кем я говорила. Они сразу прибежали, привезли домой, чтобы я взяла одежду... я открыла шкаф, не знала, где что находится... потом еще искали. А тут уже стояли учительницы, тут уже был весь дом завален цветами и венками, и чем хотите, и школе, и всё. Это были страшные похороны. Вы представляете... вы знаете, где наш дом культуры?

Соб.: Не-а.

Инф.: Вы же мимо него проходите каждый день.

Соб.: Ммм... это зелененький такой?

Инф.: Нет. Вот вы идете по вашей стороне...

Соб.: А, Дом торжества этот, да?

Инф.: Нет, Дом торжеств это другое.

Соб.: А, ну там, где памятник этому композитору-то?

Инф.: Да.

Соб.: Да, знаю, знаю, Леонтовичу.

Инф.: Так вот от этого Дома культуры до кладбища, а кладбище напротив больницы... ну сколько там... немножко дальше, чем за ваш...

Соб.: Угу, близко там.

Инф.: Недалеко. В два ряба стояли... шли венки раньше. Когда уже ушли венки, только тогда мы смогли двинуться. Вот. Страшно, это было совсем страшно, и я тогда была не совсем в своем уме. Потому что я... пять дней я говорила, что он умирается, а мне говорили, что я ненормальная. Он на работе был. Его отправляли на работу.

Соб.: А вот когда здесь в Тульчине... я почему спрашиваю? Просто в разных местах по-разному... А когда здесь вот принято у евреев на кладбище ходить? Может быть, есть какие-то особые дни?

Инф.: Не знаю. Нельзя ходить в праздники и нельзя ходить в субботу.

Соб.: В праздники – имеется в виду – в какие праздники?

Инф.: В любые. В еврейские праздники нельзя ходить.

Соб.: В любые еврейские праздники.

Инф.: Да. И в субботу. Суббота ж праздник.

Соб.: Ну да.

Инф.: В любые еврейские праздники ходить на кладбище не разрешается.

Надо дать мертвому покой, чтобы он мог спокойно отдохнуть. Нельзя его тревожить. А вы знаете, я не верила, вообще. Но сейчас что-то происходит у меня, заставляет думать, что что-то все-таки есть. Я, пока работала, я каждый день была, и несколько раз в день, на кладбище. Перешла через дорогу, и всё.

Соб.: По работе... а, ну да, больница.

Инф.:

Соб.: Да. И вы знаете что? Значит, первое, что было. Мне подарили его портрет. Школа сделала портрет, да, и подарили его портрет. У меня было пианино, здесь стояло пианино... стоял этот портрет. И я не могла спать. А у меня спальня там. И когда, вы понимаете, эти шесть лет, что он болел, у него инфаркт за инфарктом, то я сидела почти, я проводила ночь, вот это было мое одно место, а это было другое, если я могла лечь. Бра и книжка. Слышала, что нужно. Вот... понимаете... и так я шесть лет прожила. А когда последнее обострение, плохо стало, это было Девятого мая восемьдесят восьмого года. Я лежала перед этим в больнице. Лежала. Ходила на немножко, потом меня привозили обратно, потому что я его боялась оставлять. Вот. Девятого мая он... если б я знала, я бы не допустила... мне сказали, седьмого меня выпустили из больницы официально, я уже была целый день дома...

Конец стороны А

Сторона В.

Инф.: ... Так это самое... значит, был ветер, холодно было. И он разделся.

Раздел плащ, раздел шляпу... и выступал от «Дружбы народов».

Причем очень красивая речь, <0 00 22> был очень талантливый человек. И его очень любили, очень уважали, к нему ездили со всего мира, со всей... России, Украины, откуда хотите, но его не афишировали, он, знаете...

Соб.: А как его звали?

Инф.: <0 00 43> А вот это видите <0 00 45> ну и удивительно, что стояло вот это самое, пианино, и на пианино стоял его портрет. Вы знаете что? Он меня изводил! У меня было такое состояние, ну не то что я... я не могла найти себе места! Мне чего-то, как будто меня толкнуло, что нужен мой портрет! Когда-то я была в Киеве на курсах, и мы, значит, фотографировались там, и мой муж сделал портрет. Пленка была, и он сделал портрет. И где-то он провалялся, вы ж понимаете, нужно мне это украшение! Я вынула этот портрет, вот. Я его поставила рядом с ним. Тоже на пианино. Стало тихо. А потом... это можете не записывать...<...> [перерыв записи] аномалия...

Соб.: Аномалия, вы думаете? [смеется]

Инф.: Да, это аномалия, конечно.

Соб.: Ну-ну, и когда поставили, то что?

Инф.: Стало тихо. Какую-то неделю у меня было тихо. Нет, потом было тихо всё относительно... ну, всякие там мелочи, которых я не понимала, то деньги... пятьдесят рублей, если пятьдесят рублей, значит, у меня деньги эти пропадали.

Соб.: А другие купюры не пропадали?

Инф.: Ничего! Можете ложить хоть миллионы! В любую копилку, только пятьдесят!

Соб.: Странно...

Инф.: Это странно, потому что это аномалия. Вот. А это, значит... через год мы ставили памятники. А там, значит, была такая табличка, собственно, где его могила, и этот, что ставил памятник, принес мне эту табличку и положил на зеркало. Вот, и табличка была накрыта. Знаете, когда приходишь и не обращаешь внимания, что там лежит. Убирала у брата, высмотрела, что лежит. Опять у меня, я не могу найти места себе! Вот не могу, вот я не знаю! Я хожу, ищу, что у меня в дома сделать, ничего нет. Наткнулась я на эту табличку, отнесла я ее на кладбище, повесили ее на ограду, – стало тише. Вот странная такая вещь. Где-то, когда мы начали уже праздновать еврейские праздники...

Соб.: Это уже начало девяностых, да?

Инф.: Да. Ну это уже в восемьдесят восьмого, в восемьдесят девятом ставила памятник. Значит, это в девяностом. Значит... у меня были здесь приятели, он еврей, она украинка... вот, я, значит... говорю... памятник уже поставила, уже как-то с этим...эээ... кончила... не похожа я там...

Соб.: Нет-нет, похожи, почему? Конечно, глаза точно такие же...

Инф.: Да. Вот, так а... сын приехал, сын не был у меня, когда отец умер, он был в первой заграничной командировке, он был в Италии. Ему туда сообщили.

Соб.: А кем он работает?

Инф.: счас? О, он большой начальник! Я даже не могу рассказать вам, кем он работает. Он имеет фирму, он... в общем, он советник у председателя Совета Министров, участвует в написании совместной Конституции, Конституции России и Белоруссии...

Соб.: Он политик, собственно, да, у вас как бы? <...>

Инф.: <...> [перерыв записи] я не имею права плакать.

Соб.: Не имеете права?

Инф.: Да.

Соб.: Как это?

Инф.: Так, если я плачу, мне будет плохо. Ох...

Соб.: А вот про эти-то две фотографии? Вы сказали, что познакомились с какой-то семьей, да? Она еврейка, он украинец, да? Или наоборот?..

вы начали про два портрета рассказывать... или это уже другая была?

Инф.: Нет, с портретами другая история. Значит, здесь, когда я уже повесила сюда... поставила сюда портрет, стало легче, ну, когда на пианино поставила рядышком... у меня вот эта бандура стояла там. И у меня сгорел телевизор. И ребята мне купили новый телевизор, а этот широкий, он сюда не влазил. Пришлось делать перестановку мебели. <0 06 02> в каком-то детском садике воспитывался, да. Вот, так... портрет мой висел вот где эта картина. А у меня была одна знакомая, и дочка ее забирала. И она, значит, продавала квартиру, и ее хозяева эти, новые, сказали ей уйти. И она пока у меня жила. У меня вообще здесь что хотите. Чужой человек пришла вчера. Вы бы видели, сейчас белая висит наволочка, вы бы видели, какая она была!..

Соб.: Ну так вот вы повесили...

Инф.: И, значит, пришла эта женщина, которая у меня жила. Она тоже еврейка. «Мне что-то кажется, кажется, кажется: я встала утром – у меня здесь лужа крови свежая!». Это кажется!

Соб.: Ничего себе...

Инф.: Ну. Это ж не то что кажется! Кажется – это видится, слышится... это то, что ты видишь, но никто больше не видит, да?

Соб.: Да. А как вы объясняете, откуда эта кровь?

Инф.: Я не знаю.

Соб.: А еще что было?

Инф.: Ничего, кровь.

Соб.: Просто кровь, да?..

Инф.: Тогда, в этот раз. Только кровь. <...> Она мне: «Вот, вам кажется!». Я говорю: «Кажется? Чё ж мне кажется?» А я пошла в кухню, ужин готовить, а она мне кричит: «Идите быстренько сюда!». Я говорю: «Что случилось?». Она мне говорит: «Ваш портрет потемнел».

Соб.: Ого!

Инф.: Черный! Ничего не видно! Я рассмеялась: «Ну всё, умирать буду». Она мне говорит: «Я же вас перевесила». А я же натюрморт переменяла... вот эта маска висела здесь. Это его ученица привезли из ... из Африки. И там... нет, там она уже висела... а эта картина у меня висела внизу, значит, между нами, она висела внизу. Я поменяла картины местами, фотография посветлела, и через несколько минут черная!

Соб.: Ух ты! То есть посветлела, а потом снова потемнела, да?

Инф.: Тут же! через несколько минут. Я ее забрала, повесила сюда, пожалуйста, видите портрет?

Соб.: Да, вполне.

Инф.: А то была абсолютно черная! Это мне кажется?.. В это время раздается телефонный звонок. Звонит ее дочка из Одессы, что, мама, я завтра приезжаю.

Соб.: Это вот этой женщины:

- Инф.: Да, это я всё про одну и ту же говорю. На второй день телефонный звонок вечером... а мы с ней сидели очень поздно, тра-ля-ля всё...
- Соб.: Так это эта знакомая, да?
- Инф.: Угу. Она мне говорит... она тоже стала вдовой, муж у нее умер... и дочка ее забирала. Приходит звонок, она говорит: «Дочка звонит». Что, мама, я за тобой приеду, я тебя заберу. Завтра я приезжаю. Двенадцатый час ночи. Слушайте, запах ванилина – обалдеть можно! Я чувствую запах... наверно, мне показалось. Я молчу. Она говорит: «Боже мой, у вас дышать нечем! Что такое, кто у вас так поздно печет?». <0 09 45> Это мой друг требует, чтобы я испекла торт, потому что гости зайдут». Она говорит: «Как тебе не стыдно! Двенадцатый час ночи, что, она будет сейчас торт печь?». Знаете, тут же пропал запах! Тут же! не осталось ни следа, я ж не была одна в квартире...
- Соб.: А, это она к кому-то обращалась?
- Инф.: К кому-то обращалась, неизвестно, к кому, понимаете? И тут же запах пропал.
- Соб.: А что значит «известно к кому»? может быть и так, а может быть и сяк. А вы как подумали, к кому?
- Инф.: Мы ничего не думали. А тут уже у нас началось... нет, началось до этого... началось у нас празднование еврейских праздников. На Первое мая я была в гостях в одной семье, они отмечали день рождения. Они мне говорят: «Вот у вас завтра Пасха, пеки, делай, что у вас делают». Они украинцы все.
- Соб.: А, так они потребовали, чтобы вы испекли и их угостили...
- Инф.: Чтоб я их угостила как на Пасху. Ну, так как я не очень знала, что нужно, ну, я нафаршировала рыбу, я сделала бабку из мацы, там еще что-то, какой-то салат сделала, в общем, приготовила.
- Соб.: А мацу вы где тогда брали?
- Инф.: А мацу нам привозят.
- Соб.: Ага... так нет, куда привозят? В общину?
- Инф.: В общину привозят, продают, возьмешь, сколько тебе надо.
- Соб.: То есть вы тогда еще были членом общины, да?
- Инф.: Я и сейчас член общины.
- Соб.: Ах, так вы и сейчас член общины, да? Просто я подумала, что...
- Инф.: Я не ушла просто я не хожу на эти самые... они меня не исключают, слушайте, это ж будет скандал.
- Соб.: Ну, я думаю...
- Инф.: Это ж будет страшный скандал! Люди не поймут, если меня...
- Соб.: Я не понимаю, что, она на вас зуб имеет, эта Рита?
- Инф.: У нее просто ума не хватает. Она на меня не имеет зуб. Понимаете, она не настолько умна, чтобы она поняла, что у нас есть разница в чем-то. Я даже не... я не хочу разбираться, меня этот вопрос не волнует. <...>
- Соб.: Так вот, там потемнела, да, а потом... А, это мы теперь про ванилин, да? И тут же исчезло...

Инф.: Да, исчезло. И на второй день утром я встала раненько и испекла торт.
Выполнила.

Соб.: И куда вы его, этот торт? Сами съели?

Инф.: Ничего, потому что ж приехала гостья. Это ж мы должны были гостью,
он же слышал телефонный разговор.

Соб.: А, он слышал...

Инф.: Ну, кто-то же слышал этот телефонный разговор, что начал ванилью...
ванилином пахнуть? Так же? так или не так?

Соб.: Наверное...

Инф.: Вот... Значит, этот, как его... я не про это начала... что-то я начала
еще...

Соб.: Вы про фотографию рассказывали...

Инф.: Про фотографию я рассказала... вот, например, да, за... Пасху.

Соб.: Да, угу...

Инф.: Ну, они все украинки... значит, мы сели к столу, они поставили рюмку.
Значит, чи с вином, чи с водкой, я не помню с чем, наклали мацу.
Когда я убрала со стола...

Соб.: А зачем накрыли водку мацой?

Инф.: А у них в память по тем, кто умер, ставят бокал.

Соб.: А, это украинцы, а вы то же самое сделали, только с мацой?

Инф.: Поэтому я сделала...

Соб.: А, они, они... угу...<...> Поставили вот здесь, значит, на буфет, я
пришла: половина рюмки выпито, и маца вот так лежит. Прибежала
соседка, я ей говорю: «Смотрите!». Я долила рюмку. А мои знакомые,
украинцы тоже, они приехали за подснежниками. Подснежники, были
тогда поздние подснежники. Вот, и я поставила два бокала, и
поставила два пучка подснежников. И когда он выпил... а я была у
соседки, зашла: значит, вынуто по одной веточке и вот так оно
ровненько по ниточке уложено. Я побежала к соседке: «Смотрите, он
меня любит и мне цветы дарит!». Потом через несколько дней он
выпил опять, и опять мне кто-то принес разные сорта, так он вынул
подснежники, вытянул, и в одном бокале он не мог вытянуть
подснежники, так он так торчал. Да. Так вот это какая-то аномалия,
которую трудно себе представить.

Инф.: Вот вы говорите «он», а кто, вы имеете в виду?

Соб.: Я говорю: кто-то, я не знаю кто, может быть, это она, я ж не знаю кто.

Инф.: Ну вот вы говорите «он» так уверенно...

Соб.: Кто-то, «он» - это обычно дух, говорят, да?

Инф.: Ну да...

Соб.: А дух мужского рода, поэтому я говорю «он».

Инф.: А вот вам не рассказывали истории, может быть, раньше, может быть,
потом, что иногда умерший вселяется в какого-нибудь человека и как
бы в нем живет?

Соб.: Вы знаете что, у нас об этом никогда не говорится.

Инф.: Даже вот там... детям ничего не рассказывают? Вот не бывало такого, что вдруг человек начинал говорить не своим голосом?

Соб.: Нет, такого нет.

Инф.: Не было, да?..

Соб.: А вот такое слово есть на идише... на идише вы говорите? <0 15 18> кого у вас называли <?>?

Инф.: Это... в городе я не слыхала, чтоб называли.

Соб.: Нет, вот у вас я имею в виду...

Инф.: У меня никого.

Соб.: Ну, не в семье, Ну, среди соседей, может быть...

Инф.: У меня не было соседей <0 15 37>

Соб.: Или гебук еще говорят, но ту на украинском <?>?...

Инф.: Вот у меня, например... [пауза] ну что вам рассказать, что я не говорила...

Соб.: А вот еще про похороны, про еврейские, вот именно как здесь это было?

Инф.: При мне не было еврейских похорон.

Соб.: Ни разу? Вы пятьдесят пять лет здесь живете... после войны...

Инф.: Не было.

Соб.: Не было?

Инф.: Один раз выдела я до войны, в селе.

Соб.: Это вот это, про которое вы рассказывали?

Инф.: Да. Один-единственный раз я видела. И то, я видела, как его несли. Потому что я, вы знаете что: дети ходят на похороны? Гулять, играть...

Соб.: А вот вы слышали, что детям нельзя на кладбище ходить, пока у них родители живы?

Инф.: Это я не слыхала. Я знаю только, что нельзя ходить... в праздничные, и всё.

Соб.: А вот как праздновали Пасху раньше? Вы никогда не видели, до войны, например? У вас в семье праздновали Песах?

Инф.: У нас не праздновали, у нас просто пекли мацу и пекли вот, готовили всякие блюда. И вот мама знала это, потому что мама выросла в патриархальной семье, и муж тоже из такой семьи настоящей еврейской. Вот, а после войны... ведь это же всё преследовалось

Соб.: Это я понимаю. А вот вы говорите, набожный человек, а дедушка что, раввином был?

Инф.: Нет. Я не знаю, кем он был до революции, но при мне он уже был шойхетом, он резал кур.

Соб.: А как его звали?

Инф.: Не знаю... Мойша.

Соб.: Ах, это ваш дедушка Мойша Шойхет? Все про него рассказывают!

Инф.: Кто? Не, здесь его не было, он никогда здесь не жил.

Соб.: А он не в Тульчине был?

Инф.: Не, Боже упаси!

Соб.: А, просто нам в Тульчине все рассказывают про некоего Мойшу Шойхета.

Инф.: Да, его дочка была в Виннице.

Соб.: В Виннице, да? А он где был шойхетом?

Инф.: Здесь.

Соб.: Где здесь?

Инф.: Здесь в Тульчине.

Соб.: А в Тульчине, да? И в каком году он умер?

Инф.: Я не знаю, в каком он году умер, его дочь училась, она осталась в Виннице работать, и он к ней... его жена умерла, это уже очень давно было.

Соб.: До войны еще?

Инф.: Нет, я до войны здесь не жила.

Соб.: А, после...

Инф.: Да, это при мне было, в пятидесятых, наверно, даже... он раньше намного моего мужа умер. Но когда, я не знаю. Он умер не здесь.

Соб.: А он где-то учился на шойхета? Так же просто не будешь шойхетом?

Инф.: Наверно. Ну, бабушка мой... я знаю, что он был вообще-то из этих, он какое-то имел отношение к религии. А шойхет – это тоже религиозное.

Соб.: А вот вы видели когда-нибудь, как он кур режет?

Инф.: Нас туда не пускали.

Соб.: Детей?

Инф.: Нет.

Соб.: А почему?

Инф.: не знаю. Ну откуда я знаю почему?

Соб.: Ну как-то объясняли?

Инф.: Сказано – нельзя, и всё! Кто спрашивал?

Соб.: Без объяснения, да?

Инф.: Нельзя, и всё. Но бабушка мой был настолько религиозен, он знал, что у нас не держат кошерного ничего, он всё понимал. Когда он к нам приезжал, он ничего не требовал.

Соб.: Как же так получилось, что дед шойхет, а у вас в семье не соблюдали кашрут? Как же он не настоял там, не знаю...

Инф.: Понимаете что, у него дети дореволюционные, дети еще до революции разошлись на заработки, так что они решили самостоятельно. Это не то что дети жили в семье. Вот сейчас, например, да? Теперь все знают. А моя мама до пятнадцати лет уже уехала на заработки, в тринадцать лет.

Соб.: А какого она года рождения?

Инф.: Она была девяносто восьмого года. Понимаете? Так что там не с кого спрашивать.

Соб.: А вот вы не слышали от деда или, может быть, от мамы, такого слова – капорес?

Инф.: Знаю.

Соб.: А что вот, как они объясняли, что это такое?

Инф.: Капорес – вообще-то это жертва. Вот, но это просто как... слово капорес где-то, о чем-то могло выступить. А как жертвоприношение – об этом у нас не говорилось.

Соб.: А вот как в речи могли это слово употребить?

Инф.: Ну мало ли что?

Соб.: Ну вот к чему оно могло подойти?

Инф.: Я не помню уже, к чему оно было. Понимаете что, не помню, к чему оно было употреблено. Но это было.

Соб.: А вот не говорили так: «<0 20 23> аф капорес»?

Инф.: Нет, это не...

Соб.: «Годится только вот на...». Не помните, да, такого?

Инф.: Да. Я не помню вообще-то вот... я ни с кем не общаюсь, так что я... Я выросла в городе, в городе вообще не разрешалось пользоваться никаким языком, кроме сначала русским, потом украинским, потом опять русским.

Соб.: А вот этот капорес, он был как-то связан вот с профессией шойхета, каким образом?

Инф.: Не знаю. Я бабушку не видела уже очень много лет. Перед войной я его видела, мне было десять или сколько... А потом я не ездила, а потом его убили с бабушкой тогда... Ничего не могу сказать.

Соб.: Ну а вот на Пасху, вы говорите, вы украинок угощали, а это давно была такая традиция – украинок угощать? Или это только евреи украинцев угощали?

Инф.: Нет, это просто мы дружили, у нас была компания, вот, и мы друг друга угощали.

Соб.: А, а они угощали всякими там куличами, да, на Пасху?

Инф.: Ну, они не пекли их, они покупали готовые, но старались что-нибудь такое приготовить.

Соб.: То есть в принципе дружно жили, да?

Инф.: Да.

Соб.: И после войны, и вот уже социализм, так сказать, зрелый?..

Инф.: Ну, до войны – это было одно, а после войны – это совсем другое.

Соб.: А в чем была разница?

Инф.: Во-первых, до войны это было связано с тем, что... начиная с двадцать девятого, тридцатого года, начались эти аресты, сначала начали арестовывать и убивать вот этих всяких... Бухарина, Рыкова и так далее, а потом они в тридцать седьмом взялись и за население... в тридцать шестом даже, в тридцать пятом, уже начали за население. Но самое сильное – это было тридцать седьмой год. Самые тяжелые, тридцать седьмой, тридцать восьмой год. Вот. У нас говорят, только тридцать седьмой год, а раньше не говорят. Вот. Потом вот эти голодов[ки], голод был, потом всё... значит, там было не до... у кого что было, то и делали. Но жили очень дружно. Если у кого-то был кусок хлеба, а у другого не было, делились куском хлеба. Это да.

Соб.: То есть там не озлоблялись евреи на украинцев?

Инф.: Нет-нет-нет, жили очень дружно. В школах мы не знали разницу, кто какой национальности.

Соб.: Как это?

Инф.: Так.

Соб.: Ну, там, в журнале каком-нибудь, я не знаю, написано было, и вообще... имя разве не говорит там, разные же имена...

Инф.: Ну и что?

Соб.: Просто как-то не задавались вопросом, да?

Инф.: Вот даже вот Витя наш этот, Светилик, да? Он вырос в еврейском... в улице еврейской, ну? Все они там росли, все они там вместе играли, и они не различали друг друга.

Соб.: А когда вот вы впервые осознали национальность свою?

Инф.: Национальность...

Соб.: Сколько вам было лет, и в какой ситуации?

Инф.: Ну как... ну, во-первых, это началось... началось, когда мы узнали о том, что происходит на территории оккупированной. Тогда мы это почувствовали. Потом, наш Папа объявил, что евреи не выживали, а они были на «Ташкентском фронте». То есть они были в Ташкенте, так? Это было официально! По тайным каналам шло о том, что... говорить на публике, что евреи не воевали, что они никакого участия в войне не... что они все сбежали...

Соб.: В эвакуацию, да?..

Инф.: В эвакуацию. В Ташкент, «Ташкентский фронт». И отсюда пошло «Ташкентский фронт».

Соб.: А, «Ташкентский фронт» – то есть не настоящий фронт, да?

Инф.: Да, что они не были на фронте. Это всё была... это все что сверху. Это не шло от населения. Это выставляют, как хотят, но шло оно сверху. Специальные письма, закрытые...

Соб.: Как бы с «Ташкентского фронта»?

Инф.: Нет, правительственные письма...

Соб.: А, да-да, я поняла, о чем вы...

Инф.: То есть письмо, которое шло по партийной линии.

Соб.: Это уже какой год был?

Инф.: Это было при Папе, пятьдесят второй, пятьдесят третий, и потом... при Хрущеве чуть-чуть было легче в этом отношении, но и все остальные как-нибудь это тоже поддерживали.

Соб.: То есть это не сразу после войны вот такая установка была, да? Позже?

Инф.: Нет, это было позже, когда кончилась война. Когда кончилась война, советский... этот, Еврейский Комитет, он очень большой вес заимел., советский... этот, Еврейский Комитет, он очень большой вес заимел., советский... этот, Еврейский Комитет, он очень большой вес заимел., советский... этот, Еврейский Комитет, он очень большой вес заимел. А Иосиф Виссарионович не любили, эээ... соперников. Они очень много ездили по миру, они очень много денег собрали. Это очень

много денег, потом, продукты... продукты, одежда шла. Это Лендлиз. Вот, и они, значит, помогали очень нам. Когда это кончилось, когда он понял, что ему это не нужно, он тогда стал тихонько выставлять эти вот письма. Официально народ об этом не знал, но стали чувствовать. Стали чувствовать. В институте я училась, не было никакого различия. Мы все были одни!

Соб.: А вы где учились в институте?

Инф.: Я кончала Винницкий, начала я в Душанбе, а кончала Винницкий. Вот. Но, это самое, мы очень мучились, голодали. Вот я приехала на Украину, студенты голодали страшно. Если кто-то кого-то имел, это было одно дело, а у меня никого не было, я приехала сама, и это было что-то страшное. Вот, но тогда еще было ничего. Но потом уже где-то к концу, когда он начал дело с космополитами. Когда я приехала... домой, и оказалось, что дело с космополитами, когда он решил уничтожить Еврейский комитет, тогда дело приняло другой оборот. Для того, чтобы иметь подтверждение, они, значит, стали... понимаете как... вот вы же знаете эту пословицу, «казнить нельзя помиловать».

Соб.: Да, каламбурчик такой.

Инф.: Да? Где поставить запятую?

Соб.: Да.

Инф.: Вот по этому типу началась вся эта история. Я это вам расскажу так, как я ее понимаю.

Соб.: Угу...

Инф.: Вот, неофициальную. Вот, началась вся эта история (вы можете это даже писать, это ничего страшного), и она началась, она началась очень страшно. Ну, пока я была студенткой, это меня не касалось.

Соб.: А у вас не было трудностей с поступлением там вот?

Инф.: Я поступала в войну.

Соб.: Аа..

Инф.: Я поступала в войну, в сорок втором году. Наш Папочка издал указ о том, что начался перелом в войне, о том, чтобы молодежь получала специальность. Когда мы кончили... а нас всех в школе готовили в санинструкторы. И нас, значит, выпускной вечер, и нас повели строем в военкомат.

Соб.: С выпускного вечера записываться в военкомат?

Инф.: Да.

Соб.: Нормально!..

Инф.: Ну и нас военком, значит, хорошо матюкнул [смеются] и отправил нас обратно. И сказал, что, значит, нам, ну... что, мол, есть такой указ, чтобы молодежь училась. А так как у меня был отличный аттестат, то мне даже не надо было ничего сдавать. А я кончила школу, и меня, так как я была страшно активным ребенком, то меня устроили в суд работать. В суд.

Соб.: В народный?

Инф.: В народный суд. Вот. А тут мама взяла мой аттестат... я вообще-то в медицину не собиралась. Но она лучше поняла, где мое призвание. Они пошла в институт, так чтоб я ничего не знала, это все сделалось тайком от меня...

Соб.: А, так вас поступили тайком от вас?

Инф.: Меня поступили, вот. И, значит, она взяла аттестат, и на суд прибыло извещение, даже не домой, что я зачислена в институт. Вот, и меня, значит, всем судом уговаривали, чтобы я пошла в медицину [смеются]. Так я, значит, пошла в институт. Я пошла в институт, а тетя у меня работала в госпитале врачом. И она меня туда, так как я уже имела какое-то, извините меня за выражение, медицинское образование, вот, меня взяли, значит, перевязочной сестрой... ну я же училась, я ж не могла дежурить, а потом меня перевели в операционные, я операционная сестра.

Соб.: Угу... а много было евреев на вашем курсе?

Инф.: Много. Мы были эвакуированы. У нас был эвакуированный курс.

Соб.: А, ну да, Душанбе, вы говорили.

Инф.: Душанбе. Да, там была Белоруссия, Россия, Украина. Очень много было. А наш курс был какой-то особый. Вот, да.

Соб.: Сборная солянка?

Инф.: Сборная солянка, причем у нас были девочки, вы знаете что? Красавицы на любой вкус. Я еще такого, красавиц, не видела. Да, и никто не ви... ни до, ни после.

Соб.: Скажите, а вот эти организации еврейские, из Америки, еще откуда-то, в каких годах сюда стали наведываться впервые?

Инф.: Вы знаете, сюда, вот при жизни моего мужа я не знала, что были такие организации. Потому что нас никогда... и мой муж умер, мне никто ничего не давал, и никуда меня не приглашали. А потом, под конец, вот когда уезжал этот, что был перед Ритой, он пришел, пригласил меня и, значит, дал мне посылку.

Соб.: Преде Ритой Гениховной был другой председатель общины?

Инф.: Да. Да.

Соб.: А кто это был?

Инф.: Был такой Бартик.

Соб.: Бартик, да?

Инф.: Вот, он в Германии. И он мне приносит. Я так растерялась: вы знаете, вдруг мне приносят и дают подарок! Представляете? Я не привыкла к этому, хоть я врач, но у нас настолько это строго было в семье, ну, это самое, что я просто не привыкла к таким вещам. Я работала, никогда ни в чем никому не отказывала, но о подарках не шла речь. Мой папа, когда я кончила, мне сказал, что «Не собирай людские слезы», мой муж... его я не слушала, когда касалось цветов, там мне никто не мог помочь, я не могла отказаться. А мой муж – он мне не разрешал, боже упаси! «Ты обязана, ты кончила, всё». Вот такой, значит, коммунистический подход, это было у нас дома. Вот, и я ничего не

знала. Потом я узнала, что дают посылки. А они давали давно посылки, но я о них ничего не знала.

Соб.: А, то есть о вас вспомнили как-то позже? Это странно...

Инф.: Намного позже. Я говорю, что мужа моего уже давно не было, намного позже вспомнили. Это всё, я ж говорю, это местечковое, местечковое это самое... вот я купила эту чашку, чтоб мы с Ниной пили чай дома тоже, я ее вчера помыла, думала, что придет... потому что он же ж у нас кошерный... так я даже из коробки ее только вынула и поставила ее обратно в коробку.

Соб.: Как будто новая, да?

Инф.: Нет, она действительно новая, из нее никто не пил! Из нее никто не пил, она была упакована. Ну как же, грязную же я не дам ему.

Соб.: Вот местечковое что? Что, определите это каким-нибудь словом.

Инф.: Ну, местечковость, это... понимаете что, если вы идете по улице, ну, в Питере, вас никто не знает, вы идете, никто на вас не обращает внимания. Здесь вы выходите, да? Я приучена к тому, что есть у меня что одеть, нет, – я должна делать вид, что я имею, что одеть. То есть я чаще переодеваюсь, и получается, что у меня много нарядов. В порядке хохмы, я... в девяносто первом году у меня сгорела путевка, и мне дали путевку в Крым. А у меня нечего было одеть, честно говорю. Вот, и у меня было с собой что-то, три блузки, и я так переодевалась, что меня спросили, сколько вещей я с собой привезла! [смеются]

Соб.: Главное – как следует переодеться, да? <...> [перерыв записи; далее – на улице, более шумный фон] Вы знаете, в каждом селе был человек самый умный, да?

Инф.: Да.

Соб.: Вне зависимости от национальности, вот это интересно очень.

Инф.: Ну, у евреев назывался <0 33 13>

Соб.: <>?

Инф.: Вот, и к нему шли все... [обращается к прохожему] Здравствуй!.. и все шли к нему. И, когда началась война, железнодорожников стали эвакуировать, и дедушка не захотел уехать с бабушкой, и они... а у них... они жили, тогда была еврейская такая хата, на две половины, с земляным полом, и они в коридоре вырыли яму и прятали свои там ценные вещи.

Соб.: А вот как вы сказали, когда мы подходили: они почему решили не эвакуироваться?

Инф.: Они считали, понимаете что? Когда немцы здесь были в восемнадцатом году, они себя вели очень культурно, как полагается культурной нации...

Соб.: Ааа...

Инф.: Они никого не трогали. И они же не знали, что у них такое перерождение. Вот, и когда отступили наши, а немцев еще не было, сосед, который рос вместе с его детьми, понимаете? Видно, молодой

человек, он, значит, пришел к ним. А с дедушкой в этом дворе жил сын с семьей. Сына забрали на фронт, а жена и двое детей с соседями эвакуировались до Кировограда. <...> Да, они эвакуировались до Кировограда. И там десант немецкий... а там жил самый старший сын с семьей. И этого сына с семьей забрали заложниками и расстреляли. Эти испугались и стали возвращаться назад. Когда они подъехали к селу... она, жена сына, решила проведать стариков дочка не захотела идти с ними, она была маленькая, она не захотела, она и сейчас жива, а она пошла с сыном. Вот, и когда они пришли в село, этот убил сына, ее, бабушку и дедушку. Этот двор был большой, и там был еще одноэтажный домик, где жили соседи. Они... никто ничего не знал, но у бабушки были очень длинные косы, красивые... ей уже было под восемьдесят, у нее были шикарные косы. Не то что как у меня, два волоса... Да, вот... и соседи увидели, отбили ее. Где они кто похоронены, никто не знает. Потом его расстреляли... понимаете, когда... и вот таким образом они погибли. Когда немцы вступали на Украину, перед началом войны Гитлер написал приказ «Поход на Восток», «Дранк нах Остен». И я не могу этот приказ достать, его киев забрал из областного архива. Я его в сорок четвертом году читала. Ну, смысл такой, что «мы вступаем в богатые земли Украины, что тут богатый чернозем, он... война кончится через два месяца»... Он распределил, значит, кому имение, кому дом, кому что, всем до последнего солдата. Шкуру убитого медведя делил. И там было написано так: «Для того чтобы мы могли спокойно это сделать, нам в первую очередь надо уничтожить жидов. Потом – русскую интеллигенцию. А с украинцами заигрывать, обещать им самостоятельность».

Соб.: То есть они так, ранжировали, да?

Инф.: Затем уничтожить, значит, украинскую интеллигенцию, а простых людей спаивать, чтобы рождались умственно отсталые дети, потому что Рейху нужны рабы. Вот это был весь смысл... ну, там было много сказано, конечно, я не знала, что мне когда-то пригодится о нем говорить, но смысл указа был такой. Ну, я просила наш архив, потому что с начальником архива я в хороших отношениях, но он говорит: «Я отдал всё в киев, у нас киев забрал». Но в киев в архив поехать просто я не могу. Вот, ну и...

Соб.: То есть получается, что ваш дедушка погиб в начале войны?

Инф.: В самом начале. Войны, еще даже не успели немцы прийти.

Соб.: Это вот который Мойшей, да, был?

Инф.: Да, у меня другого дедушки не было. У меня дедушка отца – он погиб в восемнадцатом году, он попал в эти вот погромы еврейские.

Соб.: Ааа...

Инф.: Он куда-то там поехал, семью его спасли в селе, а он погиб где-то в другом. Так что у меня был один дедушка, мамин. Вот такое вот, и когда я в сорок четвертом году студенткой приехала в Винницу

учиться, то мне подружки дали возможность разбирать документы немецкие. Поэтому я вот и знаю, иначе бы я не знала.

Соб.: А по-немецки вы тоже читаете?

Инф.: Нет, я не читаю, я разбирала русские и украинские, а тот кто нас взял, так он читал немецкие. Он забрал себе немецкие, а мы разбирали русские и украинские.

Соб.: А вот когда вы слышите немецкий, вы ж понимаете, наверно?

Инф.: Ну, я не слышу, но некоторые слова я понимаю. Вот этот идиш, это же, собственно говоря, язык, который выработан на основании немецкого языка. Вот и всё. И когда сейчас говорят наши умники, что «о! у нас при немцах <0 38 58> они не знали, что они не будут ни учеными, н... ни... ни кем, они будут никем, а просто были бы рабами, но они этого не понимают. Вот. Я об этом говорила вот, когда мы поехали на... вторая кассета, но там это не вписано. Я рассказывала, как убили директора фабрики обувной...

Соб.: То есть у него просто народ был зол за что-то, да?..

Инф.: Нет-нет, ничего, ничего не был зол» пьяный рабочий... пьяный, выпивали, видимо, он им сделал замечание или что, вот, и они его...

Соб.: А, и это было как раз в то время, когда одна власть ушла, а вторая...

Инф.: Не, не, не-не-не. Директор фабрики – уже немцы здесь были. При немцах было. А бабушка с бабушкой... у меня очень много погибло в войну народу, родственников. В том числе – мать и сестра моего мужа. Они были в эва... у нее было три сына, она была вдова, у нее было три сына и дочка. Вот, сыновья были все на фронте...

Соб.: И ваш муж тоже воевал?

Инф.: Конечно! Он стоял на границе польской, их обстреляли первых! Вот, и это самое... а мать с дочкой, они жили тогда в Днепропетровске. Их довели до станицы Белая Глина на Северном Кавказе, вот, и там сутки был немецкий десант, <0 40 35>

Соб.: Ну, что-то мы о грустном заговорили...

Конец интервью